

производства, способствует защите прав участников процесса с обеих сторон, отвечает положениям ст. 52 Конституции РФ о доступе потерпевших к правосудию и компенсации причиненного ущерба, международным стандартам в области защиты прав жертв преступлений. При этом следует учесть положительный опыт законодательства в Республике Беларусь.

Институт примирения в уголовном процессе должен быть направлен не на освобождение от ответственности, а на урегулирование конфликта, устранение его последствий, восстановление прав потерпевшего. Только в этом случае можно будет говорить о балансе между публичным и частным началом в уголовном судопроизводстве.

2.7. Сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного антиэкстремистского законодательства (некоторые аспекты проблемы)

Актуальность исследования по данной теме заключается в том, что преступления экстремистского характера в XXI веке стали серьезной угрозой для мирового сообщества. Особую распространённость они получили в связи с развитием и распространением компьютерных технологий и сети Интернет в виде агитации и призывов экстремистского характера.

Не обошла стороной эта проблема и Российскую Федерацию из-за социально-экономических и политических потрясений последних 30 лет, а также наличия на её территории экстремистских настроений у некоторых лиц и преступных группировок. Российская Федерация занимает далеко не последнее место по количеству совершаемых преступлений экстремистской направленности. Только за январь – сентябрь 2022 года зафиксировано 815 подобных преступлений [85].

Необходимость сравнения положений российского законодательства и законодательства других государств в сфере противодействия экстремизму, на примере Франции и ФРГ, обусловлено историко-правовой связью и влиянием правовой системы Франции и Германии на право Российской Федерации, поскольку все они принадлежат к общей романо-германской правовой семье. Выявление того, как в рамках одной правовой семьи формируется антиэкстремистское законодательство разных стран будет важным итогом сравнительного анализа. Антиэкстремистское законодательство США было также взято нами по причине его некой «альтернативности» в виде принадлежности к англо-саксонской правовой семье, которая по своему нормативному содержанию серьёзно отличается от романо-германской (в неё входит право РФ), а также потому, что в праве США применены достаточно нестандартные меры антиэкстремистского характера. Сравнить законодательство этих стран важно и полезно для выделения перспективных направлений антиэкстремистского права.

Обсуждение проблемы необходимо начать со сравнительного анализа определений «экстремизма» в российском и зарубежном законодательстве.

В законодательстве РФ термин «экстремизм» закреплён в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [239]. Данное определение является в полной мере исчерпывающим и не требующим дополнительного пояснения.

В отличие от российского законодательства в законодательстве США отсутствует легальное определение «экстремизма»: ни в одном законе или подзаконном акте нет конкретного понятия данной противозаконной деятельности. В российском праве, более точно и чётко разграничены понятия «терроризм» и «экстремизм».

Еще одна особенность американского права в сфере борьбы с экстремизмом заключается в том, кто осуществляет борьбу с его проявлениями. Первая поправка к Конституции США гласит, что «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению какой-либо религии или запрещающего свободное исповедание оной либо ограничивающего свободу слова или печати, либо право народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями об удовлетворении жалоб» [101]. Фактически эта статья означает, что роль самого государства в борьбе с проявлениями экстремизма ограничивается им самим. Данная функция возложена на специализированные общественные организации, научные и независимые политические центры. Данная практика является не типичной для РФ, где полномочия по борьбе и противодействию экстремизму традиционно переданы правоохранительным органам, а общественные и научные организации могут лишь оказывать научно-аналитическую поддержку данным органам.

Если переходить к понятию «экстремизма» в праве Германии, то оно, в отличие от российского права, не содержит данного понятия, но имеет в своём составе ряд уголовно-правовых норм, которые содержат признаки экстремистских преступлений. Также в праве ФРГ экстремизм, по сути, относится к политически мотивированному преступлению, то есть совершаемому сугубо по политическим мотивам, включающему в себя совершение разных деяний [84, с. 108].

В уголовном праве РФ причины могут быть не только политическими. Например, в статье 282 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) установлена уголовная ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти, вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации [229].

Аналогичное преступление обозначено в параграфе 130 Уголовного Уложения ФРГ (далее – УУ ФРГ) раздела 7 «Наказуемые деяния против

общественного порядка», где содержится уголовная норма для лица, которое «способом, могущим нарушить общественное спокойствие, разжигает ненависть против части населения, или призывает к насилию или актам произвола против неё или посягает на человеческое достоинство другого таким образом, что этим подвергается поруганию, пренебрежительно представляется или очерняется часть населения» [48].

В целом немецкое законодательство понимает экстремизм примерно так же, как и российское, то есть как деятельность, направленную на насильственное изменение конституционного строя и территориальной целостности страны, публичное оправдание терроризма, возбуждение какой-либо розни по политическим мотивам, распространение экстремистских материалов, использование нацистской или иной запрещённой символики и так далее. Существенные отличия заключаются в том, что в немецком уголовном праве нет специального закона о противодействии или борьбе с экстремистской деятельностью, как и точного понятия «экстремизма». Впрочем, это не является серьёзной помехой для вычленения этого определения из УУ ФГР на основании анализа признаков экстремистских преступлений, которые содержатся в данных нормативных актах.

Переходя к законодательству Франции, следует сделать небольшой исторический экскурс. Понятие «экстремизм» появилось на территории страны в годы Первой мировой войны в журналистике. Во французской правовой литературе термин «экстремизм» впервые употребил юрист М. Лерой в первой четверти XX века для характеристики сил Гражданской войны в России. Экстремизмом он считал фанатичную веру в политический идеал [213].

В современном законодательстве Франции не закреплено легальное понятие термина «экстремизм», в чём оно схоже с правовыми положениями немецкого и американского законодательства. При этом французское чётко разделяет экстремизм на два вида – религиозный и политический. Религиозный ставит своей целью возвращение доминирующего положения в обществе и пропагандируется различными радикальными сектами и движениями. Политический же представлен радикальными и крайними движениями (нацистскими, анархическими и др.).

Результатом анализа антиэкстремистского законодательства Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Федеративной Республики Германия и Французской Республики на предмет наличия определения «экстремизма» является вывод о том, что в законодательстве Российской Федерации данный термин раскрывается более подробно и конкретно из всех представленных. Законодательство ФРГ, США и Франции не содержат легального термина «экстремизм». Это не значит, что в правовых системах указанных стран нет понимания экстремизма как преступления. Действия экстремистского толка в равной мере являются наказуемыми.

В целях сравнительного анализа и дальнейшего совершенствования российского законодательства крайне важно изучить и опыт зарубежного права в сфере противодействия экстремизму. В связи с тем, что российский законодатель в какой-то мере использовал и использует опыт Французской Республики, целесообразно будет, в первую очередь, рассмотреть опыт Франции в вопросе противодействия экстремизму.

Преступления экстремистского характера указаны в книге IV «О преступлениях и проступках против нации, государства и общественного спокойствия» и в книге VI «Правонарушения» Уголовного кодекса Республики Франция (далее УК Франции). В пункте 1 статьи 421-1 УК Франции предусмотрена ответственность за действия, в которых присутствует факт умышленного посягательства на жизнь, личную неприкосновенность, незаконное лишение свободы или похищение человека, угон корабля, самолёта или любого иного транспортного средства, совершаемые физическими или юридическими лицами, с целью нарушения общественного порядка путём устрашения или террора [230]. Подтверждает факт отнесения данных преступлений к категории экстремистских, ссылаясь на решения Кассационного Суда Франции, и французский журналист Сара Диндо [2].

В свою очередь, статья 431-6 предусматривает ответственность за прямую провокацию вооруженного сборища (группы лиц), выражающуюся в публичных выступлениях, лозунгах, или же в расклеивании, распространении листовок, либо любым другим способом передачи текста, речи или изображения [230]. Аналогичный состав преступления можно проследить и в статье 280 УК РФ, в санкции которой содержится наказание за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершённые, в том числе и с использованием СМИ и сети Интернет.

В статье R 624-3 УК Франции указывается, что ответственность наступает в случае установления факта осуществления лицом непубличного распространения порочащих сведений (диффамация), направленные против конкретного лица или группы лиц в силу его или их происхождения, действительной или предполагаемой принадлежности, или непринадлежности к какой-либо этнической группе, нации, расе, религии [230].

Статья R 624-4 УК Франции, влечёт уголовную ответственность за публичное оскорбление, которое имеет расистский или националистический характер, или подтекст [230]. Субъектами этого состава преступления могут выступать физические или юридические лица. В уголовном праве Российской Федерации мы тоже видим санкции за подобного рода правонарушения, предусмотренные ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», под этим понимаются в соответствии с п. 1. «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социаль-

ной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации» [229].

Помимо всего вышеперечисленного, статья R 624-7 УК Франции предусматривает наказание за непубличное подстрекательство к ненависти, насилию или дискриминации, в отношении конкретного лица в связи с его происхождением, действительной или предполагаемой принадлежностью, или же непринадлежностью к определённой расе, национальности, этнической группе, отношению к религии и вероисповеданию [230].

По мнению автора, российскому законодателю следует присмотреться к приведённой выше норме французского УК. Как отмечает ряд учёных, в соответствии с практикой применения данной антиэкстремистской нормы французскими правоприменителями, заметно, что зачастую непубличное подстрекательство к дискриминации по указанным выше признакам, несёт в себе большую общественную опасность, чем публичное распространение порочащих сведений и оскорблений на почве ненависти или вражды [244]. В праве Российской Федерации важно условие публичности для признания лица виновным в совершении деяний по статьям 280 и 282 УК РФ. На это же указывает и судебная практика по делам экстремистской направленности в РФ.

В соответствии со статьей R 40-3 УК Франции привлекаются к ответственности лица, носящие или демонстрирующие знаки отличия и эмблемы, униформу, сходные и напоминающие те, которые носили или демонстрировали члены организаций, объявленные преступными Военным Нюрнбергским трибуналом, или лица, признанные французским и международными судами, виновными в преступлениях против человечества [230]. Данная норма имеет свой аналог в отечественном законодательстве в виде статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма», где одним из действий по реабилитации нацизма в форме одобрения являются вышеуказанные аспекты [229].

Анализируя антиэкстремистские нормы в праве Германии, необходимо отметить, что в ФРГ наличие экстремистских взглядов не является уголовно наказуемым. Только конкретные действия – применение насилия, посягательство на государственное устройство, распространение материалов нефашистской и неонацистской тематики являются уголовно наказуемыми [198, с. 44]. К таковым относятся составы преступлений, указанные в параграфах УУ ФРГ: 84 «Продолжение деятельности партии, объявленной противоречащей Конституции», 86 «Распространение пропагандистских материалов организаций, являющихся неконституционными», 86а «Использование знаков неконституционных организаций» [48].

Согласно пункта 1 параграфа 84 УУ ФРГ лицо, выполняющее организаторские функции, направленные на поддержание единства организации (партии), которые были объявлены неконституционными, либо организация, в отношении которой Федеральный Конституционный Суд ФРГ уста-

новил факт того, что она является организацией, подобной запрещенным ранее, подлежит уголовной ответственности [48]. Также на основании пункта 2 параграфа 84 уголовное наказание грозит и лицам, которые являются участниками данной организации [48]. Примерными аналогами данных составов УУ ФРГ являются статьи 282.1 и 282.2 УК РФ [229].

Параграфом 86 УУ ФРГ предусмотрена уголовная ответственность за распространение, производство с целью дальнейшего распространения, или ввоз на территорию Германии пропагандистских материалов, являющихся по содержанию неконституционными. Так же как и за ношение знаков признанных антиконституционными организаций (партий) [48]. Особенность немецкого законодательства – отсутствие ответственности, если пропагандистские материалы или знаки отличия применяются для гражданской агитации, защите устремлений, не противоречащих Конституции ФРГ, науке искусству, истории Германии, или иным подобным целям. Данное положение является серьёзной отличительной чертой по сравнению с российскими аналогичными нормами уголовного права (статья 280 и 282 УК РФ), которые предусматривают ответственность за любое использование экстремистских материалов, без каких-либо исключений. На наш взгляд, логика отечественного законодателя более оправданна, так как практически невозможно публичное использование экстремистских материалов не в экстремистских целях. Законодательство Германии в данном случае вносит для правоприменителей ненужную путаницу, так как размывает смысловую границу между экстремистскими материалами и обычной агитацией политических лозунгов и идей, а также защитой гражданской позиции.

Согласно параграфу 129 УУ ФРГ уголовному наказанию подлежат лица, занимающиеся организацией, непосредственным участием или поддержкой террористических сообществ, чьи цели или деятельность нацелены на совершение таких преступных деяний как: убийство, тяжкое убийство, геноцид, преступления против человечности, личной свободы, военные преступления, разрушение важных средств производства, а также преступления, указанные в разделе XXVIII УУ ФРГ [48]. Немецкое законодательство пошло по пути совмещения преступлений, которые можно отнести к террористическим и к экстремистским одновременно, при этом оставив разработку понятийного аппарата юридической науке и судебной практике [244, с 225]. По нашему мнению, данный подход является не вполне корректным, так как признание состава преступления как одновременно экстремистского и террористического вносит дополнительные сложности для правоприменителя. Потому что может возникнуть противоречие, какое преступление совершило лицо – экстремистское, за которое идёт ответственность по одним нормам УУ ФРГ, или террористическое, за которое предусмотрена ответственность по другим нормам Уголовного кодекса. Так же спорным является подход оставления разра-

ботки понятийного аппарата в сфере экстремистских преступлений судам и научной деятельности юристов. Это в целом привносит некоторую запутанность для всех участников уголовного права и процесса, так как помимо основного закона приходится обращаться и анализировать перечень нормативно-правовых актов подзаконного характера и юридической литературы. В сфере же антиэкстремистского законодательства РФ практически все необходимые понятия сосредоточены в УК РФ, ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Пункт 1 параграфа 111 УУ ФРГ гласит, что любой человек, который публично, на собрании или распространением письменных материалов призывает к экстремистским действиям любого характера, приравнивается к подстрекателю и подлежит ответственности, даже если его действия не привели к желаемому результату [48].

В свою очередь, если лицо способствует разжиганию ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы или осуществляет призывы к насилию или произволу в отношении данной группы, или же посягает на человеческое достоинство другого человека таким образом, что данные действия признаются унижением достоинства части населения в его лице, а также намеренно распространяет сведения, порочащие или заведомо ложные (клевета) на указанное лицо, то исполнитель и иные участники данного преступления привлекаются к ответственности на основании пункта 2 параграфа 130 УУ ФРГ [48]. При этом немецкий законодатель в пункте 5 параграфа 130 предусмотрел использование материалов и передач, направленных на разжигание ненависти, в общественно полезных целях [48].

Отличительной чертой антиэкстремистского законодательства в Германии, от аналогичного законодательства во Франции и России, является факт наличия возможности каким-то образом использовать разжигающие ненависть материалы, пропагандирующие материалы и опознавательные знаки запрещённых организаций в общественно-полезных целях. Однако данная позиция, как мы считаем, является не вполне корректной и верной, так как маловероятно использование экстремистских материалов в указанных целях. Фактическая демонстрация данных материалов, даже без цели агитации или пропаганды, например, с научной или образовательной целью может побудить желание совершить преступление экстремистского характера или на экстремистской почве. Подобное допущение могут использовать как лазейку настоящие экстремисты, прикрываясь публикацией и распространением соответствующих материалов в якобы «общественно-полезных целях».

Законодательство США, так же, как и российское, рассматривает противодействие экстремизму и борьбу с радикальными взглядами определённых социальных групп как одну из главных задач обеспечения национальной безопасности по вполне понятным причинам. В американской

судебной практике уголовная ответственность наступает за преступные действия, которые называются «hate speech» и «hated crime», то есть понятие «экстремизма» крайне редко применяется [198, с. 46]. То есть в праве США происходит целенаправленная борьба именно с распространением экстремистских материалов с речевыми практиками (высказываниями) экстремистского характера, а также насилием в отношении определённых социальных и этнических групп на экстремистской почве.

Ещё раз следует обратить внимание, что в законодательной сфере США нет принятых на общенациональном уровне законов или иных нормативно-правовых актов, которые декларируют и обозначают особенности возбуждения уголовных дел по преступлениям, связанных с разжиганием ненависти или дискриминации. Американское уголовное право исходит из доктрины минимального ограничения свободы слова, что закрепляется в первой поправке к Конституции США [101]. Однако на законодательном уровне каждого штата подобные преступления имеют правовое определение и жёстко преследуются.

В заключение сравнительно-правового исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, выдвигается концептуальный тезис, согласно которому исключительная сложность экстремизма как политико-правового феномена детерминирует разнообразие подходов к определению экстремизма в российском и зарубежном законодательстве.

Во-вторых, российское антиэкстремистское законодательство по своей сути достаточно близко к законодательству Франции и Германии, особенно в виде схожих по содержанию норм уголовного права. Законодательство США, относящееся к другой правовой семье, при этом ощутимо отличается от всех прочих сравниваемых правовых систем, как своей структурой с ярко выраженной автономией штатов в вопросах борьбы с экстремизмом, участием в борьбе с экстремизмом большого количества специальных негосударственных организаций, так и содержанием в виде отсутствия общенациональной понятийной базы в сфере экстремизма.

В-третьих, если законодательство РФ и Франции имеет общие особенности в сфере борьбы с экстремизмом, то законодательство ФРГ – некоторые «ослабления» в отношении использования экстремистских материалов, по сути разрешая их публикацию в некоторых случаях. Законодательство же США в сфере борьбы с экстремизмом радикально отличается от других трёх сравниваемых правовых систем, хотя и имеет те же цели и использует примерно те же методы, что и законодатели в РФ, Франции и Германии.

В-четвертых, можно выделить высокий уровень содержания российско-го антиэкстремистского законодательства: оно удобно структурировано и не перегружено большим количеством норм, что позволяет без больших сложностей, обратившись всего к нескольким нормативно-правовым актам, работать правоприменителю. Некоторый объём понятийного аппарата, конечно,

вынесен за пределы даже нормативно-правовых актов подзаконного характера и содержится сугубо в юридической литературе, но данный факт легко исправим небольшими дополнениями действующего законодательства.

В целом, прослеживается однозначный вывод о крайне большой степени и уровне проработанности антиэкстремистских норм в российском праве, которое в данном вопросе не уступает зарубежному антиэкстремистскому законодательству. Все эти факторы, позволяют признать эффективными законодательные меры по борьбе с экстремизмом в Российской Федерации.

2.8. Анализ системы государственных закупок в Республике Беларусь и зарубежных странах: сравнительно-правовое исследование

Рынок государственных закупок является важнейшим элементом экономического развития страны, а сама система государственных заказов все более становится одним из основополагающих институтов государственного регулирования экономики, оказывающего существенное влияние на ее динамику и структуру.

Госзакупки – это не только процесс заказа, но и инструмент выстраивания политики выполнения государством своих функций:

- защиты (военно-промышленный комплекс);
- продовольственной безопасности (агропромышленный комплекс);
- энергетической безопасности (топливно-энергетический комплекс);
- социальная сфера (образование, здравоохранение, наука, культура);
- охрана и сохранение природных ресурсов [148, с. 29].

Государство является потребителем на рынке товаров, работ и услуг – доля государственных закупок постоянно растет и составляет в развитых странах более 20% ВВП. Поэтому правительство, руководя государственными расходами и налогами, может оказывать значительное воздействие на социально-экономические процессы, а государственные закупки все более рассматриваются как один из мощных инструментов социально-экономического развития.

В социально-ориентированной экономике госзакупки решают такие важнейшие задачи как: обеспечение единства экономического пространства, развитие рынков и сохранение конкурентной среды, поддержка регионов и групп населения, развитие определенных субъектов рынка и секторов экономики, подготовка госуправления экономикой в условиях членства в ВТО.

Развитый механизм госзакупок позволяет более эффективно и справедливо использовать при выполнении госзаказа потенциал частного предпринимательства, обществ инвалидов, предприятий в малых городах и т.д., что содействует устойчивости экономического развития, ускоренному и сбалансированному решению актуальных задач социально-экономического развития.